

Конференция на Национальном коллоквиуме "Статус и права ребенка" Экс-ан-Прованс 1989 (перевод 2022)

Ребенок в поисках своей идентичности и происхождения¹

Пьер Тап

Ребенок имеет право на имя, семью и образование. Это может показаться само собой разумеющимся. Но в реальности, переживаемой детьми, очевидное становится размытым, и возникают самые многочисленные проблемы. Есть такие, которые переживают дети, брошенные на улице, или дети, усыновленные под обещание сохранить в тайне личность естественных родителей, или дети, рожденные при родах "под X" (анонимность матери), и т.д.

Следует ли открывать ребенку тайну его происхождения или тайну, окружающую его? Встанем ли мы на сторону "народной мудрости", утверждающей, что "слово - серебро, а молчание - золото", или на сторону Бертольта Брехта, утверждающего, что "тот, кто не знает, - невежда, тот, кто знает и молчит, - злоумышленник"?

Если мы постулируем, что знание о происхождении - это право, полезно ли оно, необходимо ли оно, особенно в эволюции непрерывности и единства личности ребенка? Какова взаимосвязь между этим правом на первоначальные знания и когнитивными и аффективными навыками? Обусловлено ли раскрытие информации "способностью различать" себя, отношения, ситуации, о которых нам говорят законодатели? Другими словами, существует ли минимальный порог или чувствительные фазы для информирования ребенка, для откровений о его происхождении?

Следует ли сообщать ребенку, что имя, которое он носит, не является именем его родителей? Как можно донести до ребенка секреты его рождения, тайны его семьи, заложенные неортодоксальной родительской пары, отсутствие отца, наличие наложницы или дополнительных любовников?

Каковы соответствующие последствия откровения, заговора молчания или благочестивой лжи?

Вопросы часто возникают раньше, будут ли ответы такими же? Нужно ли говорить все, или информация должна быть пропорциональна вопросу?

¹ Представлено на пленарном заседании Национального коллоквиума "Статус и права ребенка", Университет Экс-ан-Прованса, декабрь 1989 г. и впоследствии не публиковалось. Нам показалось, что его содержание, посвященное кризису идентичности, очень актуально.

Задавая вопросы таким образом, не подразумеваем ли мы уже ответы, которые, как нам кажется, мы предлагаем?

Но, помимо этих образовательных проблем, что говорит нам психология о функции и роли знаний в развитии идентичности?

Предварительные замечания по Конвенции о правах ребенка

Когда определяется новый статус и права для детей, де-факто оспаривается представление статуса взросл[что] или их прав. Например, защита детей, подвергающихся жестокому обращению или насилию со стороны одного или другого из родителей, подразумевает рассмотрение определенного частного поведения как "общественного дела". Выражение прав детей неизбежно ведет и к пересмотру понятия обязанностей, применимых к детям. В Конвенции понятие долга связано с возрастом, "зрелостью", "способностью различать". А как насчет этого потенциала?

Различать - значит быть способным отделять, распознавать и различать. Как же определить тот порог зрелости и проницательности, ниже которого ребенок воспринимается как хрупкий, нуждающийся в защите и не очень способный к проницательности, а выше которого он становится ответственным, способным высказывать свое мнение и действовать проницательно? Может быть, мы возродим понятие возраста разума и предложим установить первый порог "меньшинства/большинства" в возрасте 7 лет или раньше? Кого попросят принять решение? Когнитивных, аффективных психологов и психологов отношений?

Законодатель может быть ошибочно раскритикован за то, что он не был разборчив в смешении категорий "взрослый-ребенок". В недавнем прошлом мы видели, как дискуссия о гендерном равенстве спровоцировала появление теорий, отстаивающих андрогинность (С. Бем, 1974, см. М.К. Хуртиг и М.Ф. Пичевин, 1986) или гендерную индифферентность (Э. Бадинтер, 1986), как средство преодоления неравенства между мужчинами и женщинами. Но настоящий прогресс достигается не за счет отрицания межкатегориальных различий, а за счет подчеркивания примата более высокой категории, которая охватывает их все: это человеческая идентичность, "личность", которая позволяет избежать сговора между различиями и отношениями господства.

(Tap,1985, Lorenzi-Cioldi,1988). Однако ребенок, и даже младенец, должен рассматриваться как личность, в той же мере, что и взрослые, независимо от уровня и характера их навыков и различий.

Во время этого коллоквиума Й.П. Розенцвейг заявил, что "право - это только зеркало наших противоречий". Это утверждение, которое я разделяю, имеет два последствия для исследований:

- анализ истории законодательства о детях и семье должен позволить лучше понять рассматриваемые вопросы через вскрытые противоречия;
- Анализ истории конфликтов идентичности и трудности определения истоков должен учитывать проблему различия и ответственности. Эта проблема действительно связана с историей субъективации. Теперь "(субъект) является (абстрактной) возможностью, но не фатальностью для каждого человеческого существа: это историческое творение и творение, историю которого можно проследить. Этот субъект, человеческая субъективность, характеризуется рефлексивностью и волей или способностью к сознательному действию" (Castoriadis, 1986). Такая позиция (занятая психоаналитиками противоположного течения) подразумевает как отрицание существования процесса без субъекта (Леви-Стросс, Альтюссер, Фуко), так и субъекта, резорбированного в социальном индивиде и, в частности, в языке (Лакан, Бартез, Деррида). Поэтому анализ взаимосвязи между генезисом личностной идентичности и поиском истоков имеет фундаментальное значение.

Происхождение как слепое пятно, якорь и пружина идентичности

Знание своего происхождения для ребенка, как и для любого человека, является необходимостью в построении собственной идентичности, через присвоение имени, двойное родство (материнская и отцовская генеалогические ветви) и через укоренение, закрепление в двух переплетенных семейных историях, одна из которых часто является доминирующей.

Но ребенок, будучи частью этих историй, находит свое место в ситуациях, контекстах, изменениях и перспективах, которые через свою семью вовлекают его очень рано в сложный процесс социальной и культурной интеграции и/или маргинализации.

В своем "нормальном" развитии дети, как только их языковые навыки позволяют им это делать, задают вопросы о собственном происхождении, а также о

происхождение человечества и общества. В дальнейшем вопрос о личном происхождении будет действительно подниматься только в том случае, если сомнения или откровения поставят под сомнение основы его генеалогии или представление, которое он мог иметь о личности своих родителей и условиях их взаимоотношений.

Каждый ребенок должен иметь возможность построить личную идентичность и временной горизонт, основанный на непрерывности и согласованности, благодаря идентификационным опорам, укорененности в истории и коллективной идентичности. В безопасности этих якорей ребенок сможет построить маршрут, произвести и реализовать себя, (Тар, 1988).

И наоборот, умолчания, необъяснимые или необъяснимые ситуации, тайны, неаутентичность коммуникаций могут серьезно нарушить процесс идентификации, создать обесценивание, неуверенность, тревогу бытия. У ребенка могут возникать патологические регрессии, подросток может заниматься саморазрушительными или асоциальными практиками.

Однако не следует слишком драматизировать вышеупомянутые ситуации. Многочисленные стратегии восстановления, компенсации и замещения применяются людьми, о которых идет речь, начиная с самого детства.

Этот поиск истоков не отделен от поиска будущего (ожиданий, стремлений, проектов). Более того, откровения и прояснения могут произойти в любой момент взрослой жизни. Они могут быть, в зависимости от случая, результатом добровольного поиска или вынужденным следствием неожиданной внешней информации. Связь между идентичностью и происхождением часто становится более тесной в кризисной ситуации, хотя она также может быть организована в режиме захватывающего обряда инициации.

Различение: борьба против категорического единообразия

По случаю своей радиопередачи Франсуаза Мольто получает письмо от учителя. Она начала свою карьеру в качестве подменного воспитателя в детском саду. Директриса сказала ей: "Видишь, здесь есть голубятни; вечером дети убирают своих медведей и ведра, вот так: одна голубятня на ребенка, один медведь и одно ведро на голубятню. Наступает вечер, у детей развито обоняние, они должны были что-то учуять. Я прошу их пойти и разложить свои вещи: они кладут всех медведей на одну сторону, по

два, и все ведра другого. Я вмешиваюсь: "Обычно вы так не убираетесь". Они отвечают мне: "Но это потому, что им скучно (плюшевые медведи)". Учительница рассказала об этом директору школы, который посмотрел на нее с беспокойством и заставил ее вернуть все на место "как должно быть".

Франсуаза Дольто сказала: "Мы ходим в школу, чтобы быть вместе, а не для того, чтобы сидеть в шкафчике. "Отделитесь друг от друга. Не общайтесь"... Даже медведи не должны общаться (Dolto, 1978).

Мы видим опасность сведения рационального к разделению на "голубятни", на категории. Мы часто ведем себя как директриса, для которой дети равны в законе и с ними обращаются единообразно и в соответствии с правилами. Таким образом, равные права ограничиваются жесткой категоризацией. Но разве дети не имеют права на воображение, общение, создание собственного пространства для свободного передвижения? Какой порядок навязывается им, и во имя какой легитимности? Разве этот вопрос не относится и к взрослым?

Возьмем пример разграничения публичного и приватного пространства или места интимной близости. Есть то, что можно говорить и делать публично, в определенных пределах; и есть то, что можно говорить и делать наедине (скучающий плюшевый мишка или тот, кто хочет пообщаться). Однако мы видим, что закон развивается в направлении того, чтобы поставить под сомнение это разделение (жестокое обращение с женщинами или детьми, кровосмесительная практика и т.д.).

Защита (индивидуального) человека означает вызов униформе и стигматизирующим "голубям". Давление группы и категории должно быть ограничено, чтобы позволить ребенку управлять личным пространством, отделяться, различать, но во взаимодействии (внешнем или внутреннем с другими). Личная идентичность часто рассматривается либо как результат интернализации социальной принадлежности и суммирования социальных идентичностей, либо, напротив, как то, что субъект противопоставляет этим коллективным идентичностям и что составляет его сингулярность. Эти две позиции кажутся мне сомнительными. Субъект не является ни отражением общества (социализация и персонализация сопряжены, но не смешаны, индивидуальное утверждение не сводится к конформизму), ни а-социальным референтом (оригинальность не подразумевает автоматической маргинализации).

В действительности, отношения между социализацией (включение в сеть, присвоение социальных и культурных данных) и персонализацией (автономия, сингуляризация, критический дух, ориентация, валоризация, самореализация) подразумевают конфликтную динамику, посредством которой ребенок идентифицирует себя с социальными стимулами и давлением и противостоит им одновременно или последовательно.

Выше мы видели, что ребенок нуждается в общении и тепле. Но ему также нужны "интимные" пространства.

В одной из своих программ Франсуаза Дольто (1978) упомянула идею о том, что у детей должен быть личный предмет мебели, закрытый на всяческий замок. Одна мать написала ей: "Не лучше ли научить детей уважать уголок друг друга, зная, что этот уголок доступен? Дольто отвечает: "Это идеальный вариант. Но дети завидуют друг другу. Есть дети, которые действительно подвергаются гонениям со стороны братьев и сестер. Они смогут положить ценные вещи в надежное место, спрятать от взрослых, свои маленькие сокровища, свой дневник...".

И снова речь идет о защите пространства свободы и принятия решений, о защите частной жизни ребенка, но на этот раз в рамках семьи. Конечно, стратегии расширения и свертывания взаимодействуют так же, как сингулярность и конформизм. Конечно, родители также дают себе возможность расширить или свернуть свою деятельность, или нет. Дают ли они себе право на существование вне своих детей? Есть ли у них места с закрытым доступом: спальня, кабинет, шкаф с замком?

Мы можем ясно видеть, как вопрос о правах ребенка и взрослого приводит к возникновению пространства свободного передвижения, конструированию "внутренности", в ситуации взаимосвязи и взаимоstructuringирования между взрослым и ребенком.

Работа над именем и фамилией: филиация и индивидуализация

Моя личность обретает смысл через знаки, которые я ношу, через то, что несет на себе мой знак. Она кристаллизуется в следах моего происхождения, истории моих стигм, легитимности и силе моих референтов. Ощущение идентичности и непрерывности себя подразумевает возникновение памяти о себе, управление знаками и следами прошлого в соответствии с нынешними действиями и будущими проектами.

Мое тело уже отмечено моим происхождением: мой цвет кожи, мой рост... но также и

мой акцент, то, как я говорю или веду себя, мечтаю или верю. Конечно, не все, чем я стал, записано в моем происхождении, даже если оно определяет и ориентирует меня.

Среди этих следов есть то, что Леви-Стросс называет "узнаваемыми идентификационными знаками", по которым общество определяет наше положение. Например, национальное удостоверение личности ограничивает наш "гражданский статус" нашими именем и фамилией, датой и местом рождения и местом жительства. Наша физическая идентичность сводится к нашему лицу (сфотографированному) и нашему росту! Раздел "особый знак" почти всегда пуст, за исключением тех, кто носит очки!

С самого рождения ребенок также подвергается социальной "идентификации", прежде чем он сможет создать свой собственный образ и управлять им.

Отчество закрепляет за ребенком место, позицию в игре двойного родства. Это назначение прежде всего вербальное: называться по имени - значит быть воспринятым, расположенным, вызванным: "Такой-то и такой-то, выйдите из ряда... шаг вперед! Имя - это аппеляция, то есть публичное представление. Мы можем вспомнить сцену, когда Шарль Бовари, персонаж романа Флобера, приходит в новый класс и на просьбу представиться отвечает: "Шар... Бовари", вызывая умору и шум! Имя - это также написание, то есть разгадывание самого себя. Тому, кто вынужден произносить свое имя по буквам, рассказывают о странностях произносимого имени.

"У меня нет французского имени. У меня нет французского имени. Нет причин резать меня, калечить меня. Все, что вам нужно сделать, это прочесть... Проверьте орфографию... Дубровский. Всего десять букв. Пожалуйста, уважайте. Когда меня пишут задом наперед, меня выворачивает наизнанку. Когда я калека, это причиняет мне боль. Мое имя обошлось мне достаточно дорого. У меня от него слюнки потекли. Я хочу сохранить его. К моему имени не стоит относиться легкомысленно, я порезан. Мои культы ампутируют изо всех сил" (Дубровский, 1977).

Но ребенок сталкивается с необходимостью предположить, что подразумевает его родство в социальном и культурном плане, в связке между индивидуальной и коллективной историей.

В своей книге *"Fils"* Серж Дубровский показывает необходимость *связывать нити* собственной жизни, чтобы построить личную историю и личную цель. Но ничто не

соткано без драмы, и эта драма часто связана с *трудностями быть сыном или дочерью* и управлять своим происхождением. Например, в автобиографическом плане он говорит о необходимости научиться принимать свое (еврейское) происхождение и историю, отказываясь при этом от стигматизации, которую это могло вызвать.

вовлекать.

"Недостаток кожи - на головке (обрезание), недостаток травы - в лагере. Едва спасся. Старые унижения. Полиция. Брюки спущены. Недостаточно витаминизированный, недочеловек ... Декабрь 41-го, нужно было проштамповать карточки. Идентификация, красными чернилами. Полицейский участок. Пожимание плечами. Имя, с которым можно спать. Откуда я взялся? Я был татуирован!.. Во плоти остался. След останется всегда. Неприметный. Клеймо. Желтая звезда. (Спасены из Дранси в ноябре 43 года, благодаря агенту, который пришел предупредить их). "Иди быстрее"... Палетос без звезд надели, мы ушли. Крысы, мы дерацинируем. Округляем, сгребаем. "Запрещено евреям и собакам" (*op.cit.*). Человек наследует имя и все, что с ним связано.

Мы ищем свои истоки, когда нам их не хватает, но нам бывает трудно предположить их, когда мы их знаем.

Но недостаточно иметь имя, нужно быть и/или стать именем. "Сделать имя" подразумевает социальную видимость в терминах знаменитости. Но этот процесс касается всех людей, помимо юридических и социальных характеристик: личная идентичность конструируется, помимо прочего, связью между "я" (физическим и психологическим) и именем: словом, которое его определяет. Но

"Недостаточно быть именем. Необходимо присутствие", (Дубровский, указ. соч., с.355).

Но работа над именем постоянно связана с работой над фамилией. Как указывает Реми Пуюэло (1989), наличие первого имени у ребенка подразумевает доступ к сингулярности через разделение. Первое имя - это как личное имя, "наше единственное правильное имя". Наличие нескольких имен обычно позволяет поддерживать связь между поколениями. Но одно имя также может привести к появлению бастарда или запрещенного отпрыска. Это можно увидеть на литературном примере Томаса, героя книги "*Птица происхождения*" (Макс Gallo, 1974)

Томас не знает историю своего рождения. Он живет с отцом (больным, которого посторонние считают сумасшедшим, постоянно читающим и пишущим, но никогда не говорящим), тетей и сестрой. Он не знает, кто его мать, и думает, что она умерла. Но однажды он читает дневник, написанный его отцом ("Великий

читатель"). Имя Евы часто встречается в тексте. Он убежден, что она его мать, и пытается раскрыть тайну ее рождения,

освободиться от своих тревог, астмы и аллергии (которые он олицетворяет как "птицу происхождения" или как "силы, которые разрывают нас на части, как острые клювы").

Как и его отец, Томас решает, что будет писать позже. Не имея возможности получить какую-либо информацию от тех, кого он называет "лицемерными хранителями тайны", ему придется самостоятельно искать путь к истине. Он с трудом переживает кризис собственной личности. Его одиночество делает его немым (как и его отца), и, как и он, он задает себе единственный вопрос: "Человек, кто ты?"

Поиски его происхождения приводят к откровению, которого он не ожидал. Ева может быть его матерью, но "Великий читатель" - не его отец. Пока он был военнопленным, Ева зачала Томаса, сына другого мужчины, тоже по имени Томас. Таким образом, имя становится знаком скрытого отцовства.

Эммануэль, сестра Томаса, умирает, не успев рассказать ему о конце Евы. Но, будучи матерью-одиночкой, она оставляет ему своего сына, отец которого неизвестен, тоже по имени Томас. Таким образом, скрытые нити связываются или развязываются благодаря таинственному родству Томасов.

Фамилии, имена, прозвища и уменьшительные имена организуют и направляют способы коммуникации, связи, публичные (формальные и эффектные) или частные (спекулярные, фузионные или дистанционные) постановки. Придумывая себе "имя-фамилию", ребенок или подросток может "освободиться от репрессированной семьи, от той опасной части, которая сделала бы его жизнь, в повторении одного и того же, только судьбой" (R. Ruuelo, *op. cit.*), и построить маршрут, небезопасный, но конкретный и возвышающий.

Премия "Откровение"

Этимологически термин "откровение", который часто используется, подразумевает, что то, что должно быть открыто, ранее было скрыто под завесой. Откровение - это раскрытие тайны. Но почему такой секрет? Для оправдания этого часто называют две причины: взрослые скрывают правду, потому что это вызовет скандал, придаст им или семье обесцененный имидж. Или же они хотят защитить ребенка, чтобы избежать страданий, которые может причинить откровение.

Не следует считать, что раскрытие информации не оказывает никакого влияния на соответствующее лицо (ребенка или взрослого).

Возьмем пример Мириам (Пи-Суньер, 1987), 15-летней девушки цыганского происхождения. Она была воспитана бабушкой, которая позволила ей и всей семье верить, что она ее мать. Ее дядя Дидье и ее настоящая мать (Кармен) выдавали себя за ее брата и сестру. Именно ее дядя Дидье научит ее истине при следующих обстоятельствах:

"Однажды я разговаривал со своим братом (дядей) Дидье. Мы ругались, он ударил меня и сказал: "Иди к своей матери... твоя мать - Кармен! Я сразу понял, что это правда. Я поехал к другу и остался там на неделю. Мне было тринадцать лет. До этого момента я вел себя хорошо. Но с этого момента все изменилось. Я сбежала в первый раз. Я хотела покончить с собой. Кармен, она была моей любимой сестрой... Я сразу поняла, что это правда, хотя никогда не думала, совсем не думала, что она моя мать.

Я стал злым, я готов драться с кем угодно. Я полностью изменилась. Я был лучшим в классе. Я полностью погрузился в себя. Я хотел уйти... Кармен - сука. Она злая. Она никогда не хотела меня, и если бы моя бабушка не взяла меня, она бы меня отдала.

Кармен было 15 лет, когда она ждала Мириам. Но в 15 лет Мириам тоже беременна. Она родила Энтони. Кармен предлагает воспитывать ребенка. Репетиция состоялась. Но Мириам отказывается. Несмотря на советы своих воспитателей, она уходит жить к бабушке, которую по-прежнему считает своей матерью. На самом деле, она хочет, чтобы ее продолжали так называть.

Откровение фактически приводит к осознанию недостатка и созданию новой тайны. Если его дед не является его отцом, то кто его отец?

Давайте рассмотрим другой пример, на этот раз литературный. В фильме Жака Ланцмана *"Все дороги ведут к себе"* (1979) герой Андре Флоша с помощью ряда совпадений убеждается, что его недавно умершие родители были только усыновлены и что на самом деле он - Самуэль Бронштейн, чьи еврейские родители погибли во время депортации. " (Он покупает дом, где жили Бронштейны, недалеко от родильного дома, где родились он и Самуил Бронштейн). Возможно ли, что я, Андре Флош, сын Бронштейнов? Можно ли быть евреем, не зная об этом? Он был бы еврейским "типом", он

Если бы он походил на Симона Бронштейна, отца Самуила, его бы обрезали. Но в этом вопросе еврейский врач, осматривающий его разрез, остается нерешительным и осмотровым. Он не решает между гипотезой хирургического обрезания (после фимоза) и ритуального обрезания. Он предостерегает его от последствий откровения: "Узнать, что вы еврей в 36 лет, может быть больно, сэр, даже очень больно. Рак иногда излечим; такое откровение может и не быть", (op.cit.p.124). Затем герой начинает "искать в истории в целом, чтобы найти свой путь в собственной". Когда он убежден в этом, он больше не знает, какой идентичности посвятить себя, "не чувствуя себя готовым, совсем не готовым принять другую идентичность". "Я просто переключился с одних людей на других".

Он эмоционально дестабилизирован. "Мое горло внезапно открылось, и слезы последовали за ним, заливая мой разум. Я раскалывался, этого нельзя было отрицать, и повсюду бежал от себя, не зная, найду ли я себя снова, не зная, хватит ли у меня сил принять другого.

По правде говоря, он уже давно сомневался: "Я начал стремиться к уверенности, которая не давала мне покоя с детства, и даже выходить за ее пределы. Я всегда была уверена, что моя мать не была моей матерью, несмотря на нежность, которой она меня окружала. "Путем выдумывания различий и несходств, путем отказа позволить моему лицу стать частью их пейзажа, мне удалось убедить себя в том, что мои родители сами разбили семейное зеркало, так что человек больше не мог в нем отражаться.

Он выслеживает правду, которая окажется не той, которую он ожидал и боялся одновременно. Он - Андре Флош, и у него будет возможность встретиться с настоящим Самуэлем, его "братом по дороге", его "близнецом по воображению". Он соединяется с Джульеттой, своей кузиной, которая любит его и хотела принадлежать ему, но которая, будучи реакционной и расистской, не могла принять его как еврея. Это было "постоянное опьянение, потребность оглушить себя, способ навсегда убить другого и не дать ему проснуться, если он все еще спит во мне". У меня было ощущение, что другой погиб, пал под ударами правды и логики вместе взятых.

В реальном примере Мириам и литературном примере Андре Флоша откровение (истинное или ложное) о происхождении приходит поздно и вызывает кризис идентичности.

Если это известно, следует ли сказать ребенку правду на ранней стадии, чтобы

избежать серьезных проблем?

позже? Я, как и Франсуаза Дольто, считаю, что правду никогда не следует скрывать. Очень маленькие дети должны знать, но мы должны ждать их вопросов. "Как только ребенок задает вопрос, на него нужно отвечать правдой. Его уверенность в себе и в своих родителях поставлена на карту... Каждый раз эта истина будет постепенно рассказываться словами, которые становятся все более осознанными для ребенка" (Dolto, 1977).

Но важно сразу оговориться, что сказанное ребенку приобретает разный смысл в зависимости от контекста отношений, которые с ним устанавливаются. Говоря о происхождении, нельзя обойти стороной эмоциональный и эротический характер этих самых истоков.

Инсценировка происхождения и его проблемы

Информировать детей об их происхождении - это не только знать их отца и мать, но и объяснять им, как устроены мужчина и женщина, как они сами были зачаты и как родились.

Мы знаем, какое большое значение психоаналитики придают роли "примитивной или оригинальной сцены" в организации сексуального воображения ребенка. Ребенок будет пытаться мысленно представить момент, когда он был зачат. Но это подразумевает наличие образа соития между родителями и объясняет вуайеристское желание удивить родителей во время их сексуальной возни. Or, "наблюдение за половым актом своих родителей было бы травматичным, потому что генитальность человека строится на скромности, уважении к другим и целомудрии взрослых по отношению к детям...". Никакой кровосмесительной практической работы при соучастии родителей. Это травматично" (Dolto, 1977, p.82).

Вот показательный пример из истории жизни, представленной Абдельхаком Серханом (1989). Саиде, марокканке, живущей в своей стране, 25 лет, она старшая в скромной семье с четырьмя детьми. Она рассказывает о своих трудностях с отцом, который не может утешить себя тем, что у него не родился мальчик, и заставляет Саиду расплачиваться за его разочарование. "Я вырос под его ненавидящим взглядом. Она говорит: "Даже будучи маленькой девочкой, я видела, как мои родители занимаются любовью. Мы жили в одной комнате, и моя кровать стояла перпендикулярно их кровати. Для меня сексуальный акт всегда был актом агрессии. Я часто видела, как тело моего отца четко лежит поверх тела моей

матери, и мне казалось, что он хочет задушить ее. В то время я не понимал, что они

Я был удивлен, когда на следующий день увидел, что моя мать еще жива. Потом я начал верить, что это была игра, правила которой знали только они. Я подумал: "Мама и папа играют". Это было невинно. Но я не осмеливался задавать вопросы. Это было немыслимо. Раньше все было тихо, если не считать нескольких ворчаний. Однажды я услышал, как мой отец ругает мою мать. Позже я понял, что мать больше не хотела играть в эту игру, когда этого хотел отец. Игра стала для меня настоящей драмой. Я ненавидела эту ночь. Каждый вечер отец оскорблял мою мать, иногда бил ее и угрожал, что уйдет или возьмет другую женщину. Я почувствовал облегчение только тогда, когда наступил рассвет. Часто, чтобы избежать скандала, мне приходилось брать свое одеяло и идти спать к соседям. Без информации, без ободряющих и просветляющих слов ребенок вынужден изо дня в день (или, скорее, из ночи в ночь!) толковать о муках, о невыразимом и неявном.

В случае с Домиником, представленном Дольто (1971), предполагается, что видение родительского соития может спровоцировать более поздние расстройства. У Доминика, как у подростка, "фобия быть услышанным и услышать, быть увиденным и увидеть, быть взятым и укусить". Эти фобии, несомненно, связаны с увиденной и пережитой примитивной сценой. До двух с половиной лет он спал в своей кроватке в комнате родителей. Но именно рождение его сестры Сильви провоцирует кризис (фобии движения, уборки...). Ревность провоцирует конфликт идентичности. Он перестал быть любимчиком, защищенным. Затем он отождествляет себя с младенцем: тот не говорит, не питается, страдает недержанием.

Нынешнее поведение ее родителей: постоянно отсутствующий отец и мать, которой необходимо спать со своими детьми, "которые согревают ее" (калорийный фетиш, короче говоря!), усилили старые проблемы, связанные с рождением Сильви. Доминик в этих условиях не может усвоить запрет на инцест.

"Выяснение условий рождения и отдаление от родителей, как в воображении, так и в реальности, может занять много времени. Часто именно в подростковом или взрослом возрасте раскрываются некоторые тайны и расстройства. Именно взрослый создает тайну ради собственной безопасности или во имя псевдобезопасности ребенка. "Правда должна быть дана ребенку: в ней коренится смысл его жизни", и это еще до школьного возраста. "Отсутствие объяснения происхождения всегда мешает, рано или поздно, интеллекту языка, эмоциональной

жизни и социальной жизни.

Чтобы двигаться дальше, Доминик придется заново открыть смысл своего регрессивного поведения, восстановить свое имя, присвоив себе запрет на кровосмешение. Это позволит ему отказаться от своих воображаемых инфантильных целей и выстроить новые отношения со всеми членами семьи. Если разъединение становится полным, ребенок может сфокусировать свое желание на других, с чувством свободы, в направлении успеха, свершения в удовольствии от достижения цели, от ведения сознательного и автономного существования, без слишком большого защитного напряжения.

Идентификация и дублирование

История личной идентичности подобна двойной спирали, сплетающей две спирали - идентификации и филиации, которые необходимо распутать: нити, которые должны быть обозначены, назначены, возведены на престол, освобождены; - и маршруты, нити, которые необходимо связать, чтобы построить более или менее единое будущее по отношению к другим.

Одним словом, непрерывность передачи идентичности и единство плетения "я" в их отношениях с проектами и идеализациями. Например, Серж Дубровский идентифицирует себя с матерью, но отказывается от этого и хотел бы обрести свою автономию

"Внутри мы одинаковые. Конверты разные. Те же ядра... Мы - один к двум. Два тела, одно сердце. Одно и то же существо. В двух экземплярах. Оригинал. Углеродная бумага. Оригинальная, она и есть оригинал. Я не могу быть собой, если не пройду через нее. Мой образ преломляется в ней, отражается. Я расту во сто крат, я гигант... но я хочу быть ее противоположностью. Я никогда и никому не принесу себя в жертву. Я буду свободен. Тот, кто идет на охоту, теряет свое место. Я полон решимости сделать его для себя..." ...но поиски идентичности, которая всегда украдена у всегда депортированного "я".

Но Жюльен-Серж Дубровский живет в постоянном внутреннем расколе, который символизируется конфликтом двух его имен: "Я был Жюльеном... мое имя - Серж. Жюльен - для семьи, Серж - как псевдоним. Жюльен/Серж, неудачный брак... Жюльен/Серж, я выпил. У меня от них слюнки потекли. Собака и кошка в одной шкуре. Сшиты вместе. Разделить их невозможно. Я всегда задыхаюсь между ними. Между мной и мной, даже если я поставлю между ними Америку, ни трещинки. Не может проскользнуть между мной и щелью. Я

пересекаемые противоположными течениями. (Я) принимаю только нерешительные решения. Я думаю, поэтому я бегу... Но я так не умру. Я хочу оставить свой след, чтобы за мной шли, даже если отвергают мой путь.

Если ты один, ты калечишь себя. Если вас несколько, вы рассеиваетесь. Чтобы быть целостным, вы должны хотеть быть тем, чего вам не хватает, а также тем, что вы есть. Когда ты ведешь двойную жизнь. Пока у вас есть одна половина, у вас нет другой. Вы лишены этого" (1977).

Как лучше выразить общий процесс идентификации, включающий одновременное отождествление и противопоставление себя другим, а также усилие непрерывности, единства и самопозитивности, которым постоянно противоречит нерешительность и внутренний раскол! Этот процесс является ранним и находит свое движение в переплетении возникновения и становления, постоянно актуализируясь в настоящем акте.

Устав и права ребенка должны способствовать этой истории личности. Но это не означает, что это прекращается в любой момент жизни. Субъект может на любом этапе своей жизни отказаться от инфантильных стратегий в пользу других, лучше связанных с автономией и реализацией потенциальных возможностей, а также с нормой интернальности (ответственности, различения), подразумеваемой законом.

Библиография

Бадинтер, Э. (1986) *L'un est l'autre. Отношения между мужчинами и женщинами*. Париж, под ред. О. Жакоба.

Бем, С. (1974) Измерение психологической андрогинности. *J. of Consulting and Clinical Psychology*, 42,155-162

Касториадис, К. (1986) L'état du sujet aujourd'hui. *Topiques*, Paris, Epi, 38, 7-

39 Dolto, F. (1971) *Le cas Dominique*, Paris, Seuil

Дольто, Ф. (1977) *Lorsque l'enfant paraît*, том I, Париж,

Seuil Дольто, Ф. (1978) *Lorsque l'enfant paraît*, том II,

Париж, Seuil

Дубровский, С. (1977) *Fils*, Париж, изд.Галиле.

Галло, М. (1974) *L'oiseau des origines*, Париж, Laffont

Hurtig, M.C. and Pichevin, M.F. (1986) *La différence des sexes. Вопросы психологии*, Париж, Tierce Sciences.

Ланцман, Ж. (1979) *Tous les chemins mènent à soi*, Париж, Laffont

Лоренци-Киольди, Ф. (1988) *Доминирующие личности и доминирующие группы. Мужские и женские образы*. Издательство Университета Гренобля.

Pi-Sunyer, M.T. (1987) *Потери и воссоединения: беременность как выражение желания у женщин, переживающих кризис*. Докторская диссертация. Университет Тулузы - Ле-Мирай.

Пуюзло, Р. (1989) Работа в *"Приключении детства"*, Альби, Лезард, 196-209.

Serhane, A. (1989) *Conflits d'identité et vécu sexuel des jeunes marocains issus du milieu traditionnel*. Государственная диссертация, Тулузский университет Ле Мирай.

Тар, Р. (1985) *Masculin et féminin chez l'enfant*, Toulouse, Privat-Edissem

Тэп, П. (1988) *Общество Пигмалиона? Социальная интеграция и самореализация личности*, Париж, Дюно.